

Кузьменков Евгений Васильевич

**"Велению Божьему, о муза, будь
послушна!"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К89

Кузьменков Евгений Васильевич
К89 "Веленью Божьему, о муза, будь послушна!" / Кузьменков Евгений Васильевич – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2024. – 392 с.

ISBN 978-5-6052263-1-4

"Во втором томе своего научно-богословского труда Евгений Кузьменков продолжает исследования, углубляет их и расширяет, приглашая читателя к изучению самых разных тем.

Толстой и Достоевский нередко воспринимаются как два антипода, пусть и равно-великих по своему таланту. Кузьменков рассматривает творчество и мировоззрение обоих, приводя читателя к очень интересным выводам.

Также стало привычным проводить резкую границу между христианством и исламом, хотя исторически эти две религии во многом родственны. Кузьменков в своих исследованиях обращается к ним обеим и делает неожиданные открытия, которые могут стать откровением или потрясением.

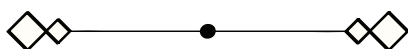
В то же время он рассматривает жизнь и судьбу человека в их индивидуальности, переходя от неё к судьбам человечества, о которых невозможно не думать в трудное переломное время.

Читайте и размышляйте! В этом назначение человека, его надежда и долг."

ISBN 978-5-6052263-1-4

© Lennex Corp, 2024
© Кузьменков Евгений Васильевич, 2024

Евгений Кузьменков

Евгений Кузьменков

**ВЕЛЕНЬЮ БОЖЬЕМУ,
О МУЗА,
БУДЬ ПОСЛУШНА!**

КНИГА ВТОРАЯ

ЗЛОДЕЙКА-ЗАПАДНЯ

Москва
Интернациональный Союз писателей
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К89

Кузьменков, Евгений

К89 Веленью Божьему, о муза, будь послушна! Книга вторая.
Злодейка-западня / Е. Кузьменков. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. — 392 с.

ISBN 978-5-6052263-1-4

Во втором томе своего научно-богословского труда Евгений Кузьменков продолжает исследования, углубляет их и расширяет, приглашая читателя к изучению самых разных тем.

Толстой и Достоевский нередко воспринимаются как два антипода, пусть и равновеликих по своему таланту. Кузьменков рассматривает творчество и мировоззрение обоих, приводя читателя к очень интересным выводам.

Также стало привычным проводить резкую границу между христианством и исламом, хотя исторически эти две религии во многом родственны. Кузьменков в своих исследованиях обращается к ним обеим и делает неожиданные открытия, которые могут стать откровением или потрясением.

В то же время он рассматривает жизнь и судьбу человека в их индивидуальности, переходя от неё к судьбам человечества, о которых невозможно не думать в трудное переломное время.

Читайте и размышляйте! В этом назначение человека, его надежда и долг.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Автор несёт ответственность за предоставленные материалы.

ISBN 978-5-6052263-1-4

© Евгений Кузьменков, 2024
© Интернациональный Союз писателей, 2024

От автора

Для начала рассмотрим неподражаемую басню И. Крылова «Чиж и Голубь». В ней Иван Андреевич эзоповым языком выразил своё отношение к Новому Завету.

*Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль»,— говорит, — «среди бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.*

Очень короткое произведение несёт мощный нравственный заряд. Используя принцип противопоставления, в десяти строках Иван Андреевич излагает великую мудрость Нового Завета.

Чиж — любимейшая человеком певчая птица, издающая характерный свист и писк, сообразительная и доверчивая. Чиж — аллегория Иисуса Христа; птица, зовущая в Царство Божье на Земле и приносящая в дом радость, чего не скажешь о важном высокомерном Голубе, который списан с апостола Павла.

Басня использует выразительные средства:

— риторические восклицания: «Не стыдно ль, попался!» — реплика Голубя имеет издевательский подтекст, нотку превосходства в отличие от «И дело (поделом)!» Эта фраза подчёркивает эмоции автора, его симпатии на стороне Чижа;

— «злодейка-западня» является скрытой метафорой Голгофского креста, так как автор сочувствует своему персонажу, попавшему в затруднительное положение;

— многосоюзие «и рвался, и метался» подчёркивает множественность действий Чиж, каждое из которых значимо, но безрезультатно;

— слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «бедняжка» имеет сочувственный оттенок;

— фразеологизм «среди бела дня» значит «у всех на виду» — намёк на то, что Чиж (Иисус Христос) был оскорблён публично.

В силоч потом попался Голубь. Попался в приспособление для ловли птиц в виде петли. «И дело!» — «по заслугам» или «справедливо». Автор испытывает удовлетворение оттого, что Голубь наказан. Мораль басни в том, что люди, обладающие большим самомнением, уверенные в своей непогрешимости, часто сами попадают в «западни». Произведение в конечном счёте осуждает человеческую гордыню — мать всех пороков. Бахвальство делает человека неосмотрительным, может привести к большой беде. Но ему никто не посочувствует и не протянет руку помощи. Фигурально говоря, до человека, который ставит себя выше других, трудно дотянуться в случае, когда помощь понадобится ему самому.

Но миниатюрное произведение имеет ещё один подтекст. Автор не зря подчёркивает молодость Голубя (апостола Павла): басня также осуждает самонадеянность молодых, их нежелание учитывать опыт старших поколений, пренебрежительное отношение к нему. Между тем такие жизненные установки порой приводят к непоправимым ошибкам, которые могут предопределить жизнь человека, искалечить её, оказать фатальное влияние на судьбы всего человечества.

Нет сомнения в том, что И. Крылов в басне «Чиж и Голубь» показал свою сокровенную боль о неудавшемся воплощении Царства Божьего на Земле из-за безвременной смерти Иисуса Христа на Голгофском кресте.

Центральной фигурой нашего повествования является Иисус Христос. При этом мы скорбим из-за Его крестной смерти в возрасте тридцати трёх с небольшим лет, отвергаем эту казнь,

не считаем её за благое дело, якобы освободившее человечество от первородного греха. В настоящее время всё ещё действует Ветхий Завет. «Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небелёной ткани, ибо вновь пришитое отдерёт от старого, и дыра будет ещё хуже. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи» (Мк. 2:21, 22). Тем не менее до сего дня Новый Завет не обязателен для исполнения.

Нравственное учение Христа построено на фундаментальном утверждении о Царстве Божием как о реальности не только будущего, посмертного существования, но и земной жизни человека. По словам Иисуса, Царство Небесное силою берётся (Мф. 11:12), и употребляющие усилие Его последователи восхищают его, то есть добиваются этой жизни здесь, на Земле. В притчах Иисуса Царство Божие уподобляется семени, брошенному в землю; зерну горчичному; закваске в тесте; сокровищу, скрытому на поле; драгоценной жемчужине; неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода; царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; хозяину дома, нанявшему работников в виноградник свой; царю, сделавшему брачный пир для сына своего. Свой путь, истину и жизнь Иисус Христос продемонстрировал человечеству на Земле, а не на Небе. Стремление Его последователей скорее соединиться с Иисусом на Небесах изначально ошибочно и принесло множество напрасных жертв среди лучших людей на Земле.

Предисловие

*Не вечно Духу Моему
быть пренебрегаемым (Быт. 6:3)*

Наше повествование идёт от «Истока». Исток — Сам Христос. Исток — место, где рождается «Солнце правды». Мы уверены, что приближается день триумфальной победы Его великого учения. Со словами: «Господи, куда идёшь?» — апостол Пётр обращался к Христу дважды. Первый раз во время Тайной Вечери, когда обещал положить за Него душу свою (Ин. 13:36, 37), но вскоре трижды от Него отрёкся. Второй раз — при обстоятельствах, дошедших до нас в предании.

Во времена правления императора Нерона начались одни из самых жестоких гонений на христиан. Апостол Пётр, бывший в то время в Риме, видевший, что их преследуют и предают мучениям и казням, паства рассеяна, а Римская Церковь разрушена, — в очередной раз дрогнул и, поддавшись убеждениям немногих оставшихся христиан, покинул Рим. Несомненно, что тогда власть и авторитет в христианской общине получили Павел и его компания. Иисус это предвидел и предупреждал слабовольного Петра:

«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведёт, куда не хочешь» (Ин. 21:18). Таким «другим» оказался Павел.

Смятение Петра происходило оттого, что Иисус будто бы добровольно нёс Свой крест. Он вспоминал, что был несправедлив суд Иисуса. Его вели под конвоем римских легионеров, заставили нести крест, били и издевались. Он знал, что Иисус любил жизнь, приходил строить на Земле Царство Божье. «И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нём. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших.

Ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23:27–31). Всё это исполнилось вскоре как наказание Божье.

Петру под влиянием Павла причудилось, что он встретил Христа на пути в Рим. В глубоком смятении он спросил Его: «Господи, Куда ты идёшь?» — на что Иисус ему отвечал: «Я иду в Рим, чтобы снова быть распятым». Пётр понял, что опять ошибся, и пожелал избавиться от своего креста. Он молча развернулся и пошёл обратно в Рим, где и был приговорён к распятию. Он свой жизненный путь завершил напрасно. Сегодня из-за малодушия Петра книжники и фарисеи снова захватили духовную и светскую власть. Современное фарисейское христианство стремительно деградирует. Сейчас регресс общественных отношений всем очевиден. Мы среди современных христиан наблюдаем откат к более примитивному, низкому уровню, образу жизни и сегодня ждём Иисуса Христа, когда Он снова скажет: «Я иду в Рим, чтобы победить». С такими же словами Иисус Христос обращается к нам: «Куда идёшь, человек? На правильном ли ты пути?..» И хорошо, если мы Его слышим.

Передовые представители социальной мысли сознавали себя пред некоторой «новой эрой», которая хоронила все старые «предрассудки» и впервые в девятнадцатом веке ставила человечество на настоящую «разумную дорогу». Горделивое чувство радости, подчёркивает А. Ермаков¹, наполняло тогда сердца людей. Почему же началом исторической катастрофы России стало именно девятнадцатое столетие? «Век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век», — это слова А. Блока из поэмы «Возмездие». В девятнадцатом веке торжествуют материальные интересы (экономические доктрины, банки, федерации, облигации), это время бездуховное и безнадежное («человек брошен в беззвёздную и тёмную мглу» — метафора, которая раскрывает ощущения человека в окружающем его мире, его взаимоотношения с миром). Это век, заполненный тёмными делами. Это век,

в котором незримые правители разжигают войны. Это век отсутствия осмысленной жизни, гуманистических начал. По какой причине этот поистине золотой век российской культуры оказался началом самого страшного государственного кризиса и культурного упадка за всю историю России? Наверное, слишком непоколебима была вера как в конечное торжество просвещения, так и в то, что суть этого «просвещения» уже найдена, источники и носители его известны, остаётся лишь черновая работа по «цивилизации» народа, который надо вывести из «первобытно-дикого» состояния.

Лейтмотивом всего «золотого века русской культуры», как и сейчас, оказалось гордое самодовольство тех, кто провозгласил себя «просвещёнными». Между тем «просвещение» почему-то распространялось не так быстро, как бы этого они хотели. Народ безмолвствовал. Не очень заметное современникам, это молчание издали слышится нам очень отчётливо и страшно. Самое наполненное событиями столетие в русской истории, восхищающее своей небывалой активностью не только историков, но и современников, поражает тишиной. Ни одного серьёзного народного движения, ни одного вождя не вышло из среды крестьянства. История России XIX века оказывается в наименьшей степени народной историей. Народ — чужой на этом пиру мыслителей. Земские соборы, мощное самоуправление на местах, наконец, возможность бунта — всё это в своё время заставляло и власть, и высшие слои общества не только считаться с «землёй», но и допускать её к решению будущего страны. «Земля» сама была свято уверена в этом праве. Последним её выступлением была пугачёвщина.

После её подавления в крестьянстве почти на сто тридцать лет воцаряется тишина, перемежаемая мелкими и редкими волнениями. И всё же нельзя сказать, что крестьянство молчало. «Где народ, там и стон», — сокрушался Некрасов. Этот тяжёлый стон слышался по всей России с 1812 года, когда «земля» в последний раз пыталась доказать свою бескорыстную преданность престолу.